

Преподобный Кассиан Учемский — грек из окружения Софьи Палеолог и его канонизация при Михаиле Романове: доверие духовным авторитетам*

Матасова Т. А.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; tamatt2009@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрены обстоятельства и значение канонизации преподобного Кассиана Учемского в 1629 г. На основании широкого круга источников (житие прп. Кассиана в совокупности его различных списков и редакций, а также «книг строения» Успенской церкви Кассиановой пустыни, духовных грамот удельных князей и др. документов), проанализированных с опорой на классические методы исторической науки (ретроспективный, метод исторической периодизации, историко-генетический, историко-системный), удалось прийти к выводу о том, что в сведениях о жизни и посмертном служении (чудесах) прп. Кассиана центральная власть черпала важные идеи, необходимые для преодоления кризиса государственности и власти, порожденного Смутным временем. Для консолидации огромной страны центральной власти было исключительно важно обратиться в том числе к образам праведников-защитников, обнаруживших свою святость в регионах. После окончания интервенции не менее важно было подчеркнуть, что Россия несмотря ни на что являлась неотъемлемой частью общеевропейского культурного пространства. Образ прп. Кассиана — «греко-римского» по происхождению святого, появление которого на Руси связано с приездом Софьи Палеолог в Москву (1472), полностью отвечал этим ключевым общегосударственным задачам.

Ключевые слова: Прп. Кассиан Учемский, Михаил Романов, Смута, канонизация, чудеса, преодоление кризиса, государственность

Для цитирования: Матасова Т. А. Преподобный Кассиан Учемский — грек из окружения Софьи Палеолог и его канонизация при Михаиле Романове: доверие духовным авторитетам // Управленческое консультирование. 2022. № 2. С. 153–164.

St. Cassian of Uchma and His Canonization at the Time of Mikhail Romanov: Trust in the Spiritual Authorities

Tatiana A. Matasova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; tamatt2009@gmail.com

ABSTRACT

The article examines the circumstances and significance of the canonization of St. Cassian of Uchma in 1629. Based on a wide range of sources (the life of St. Cassian in its various copies and editions, as well as the “books of the foundation” of the Assumption Church of the Cassian Monastery, wills of Russian princes and other documents), analyzed by the classical methods of historical science (retrospective, method of historical periodization, historical-genetic, historical-systemic), it was possible to come to the conclusion that in the information about the life and miracles of St. Cassian, the central government drew important ideas necessary to overcome the crisis of

*Статья подготовлена по итогам проведения международного Невского Форума — 2021. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 19–18–00247 «Двор русских княгинь в системе властных структур Древней Руси и Западной Европы в период Средневековья и раннего Нового времени (XI–XVI вв.)».

statehood and power generated by the Time of Troubles. For the consolidation of the huge country of the central government, it was extremely important to apply to the images of the righteous defenders who discovered their holiness in the regions. After the end of the intervention, it was no less important to emphasize that Russia, in spite of everything, was an integral part of the common European cultural space. The figure of St. Cassian, a “Greco-Roman” saint by origin, whose appearance in Russia is associated with the arrival of Sophia Palaeologina in Moscow (1472), fully reached these important national goals.

Keywords: St. Cassian of Uchma, Mikhail Romanov, the Time of Troubles, canonization, miracles, overcoming of the crisis, statehood

For citing: Matasova T.A. St. Cassian of Uchma and His Canonization at the Time of Mikhail Romanov: Trust in the Spiritual Authorities // Administrative consulting. 2022. No. 2. P. 153–164.

Введение

Во второй половине XV — первой трети XVI в. единое Русское государство с центром в Москве сложилось на огромной территории, что предопределило его региональное многообразие. Это обстоятельство неизбежно способствовало сугубому вниманию центральной власти XVI–XVII вв. и позднейшего времени к регионам России. На протяжении истории нередки примеры, когда государственная власть целенаправленно использовала региональные образы, сюжеты, идеи, мотивы для актуализации идей, важных для страны в целом. Значимым и недооцененным примером такого рода является история общецерковного прославления прп. Кассиана Грека, Учемского чудотворца († 1504), состоявшаяся в 1629 г.

Это событие стало важной вехой как в духовной истории Угличской земли и России в целом, так и в важном процессе восстановления государственности после трагедий Смутного времени. В связи с этим настоящее исследование призвано ответить на следующие вопросы:

- Как прп. Кассиан в рамках своего посмертного служения (через чудеса) в понимании людей XVII в. способствовал возрождению страны после Смуты?
- Какие сюжеты биографии святого и почему использовала центральная власть для продвижения значимых для нее идей в первой трети XVII в.?
- Почему прп. Кассиан не был прославлен раньше?

Материалы и методы

Главными источниками, на которые опирается исследование, стали краткая (ранняя) [6, с. 117–130], пространная (с чудесами)¹, проложная² и старообрядче-

¹ Ярославские епархиальные ведомости (ЯЕВ). 1873. № 14. С. 111–117; № 42. С. 337–344; № 43. С. 345–348. Опул. по списку 1686 г., ныне хранящемуся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) (Житие Кассиана Учемского, список 1686 г. // ОР РГБ. Ф. 218 (Собрание отдела рукописей). № 1406. Л. 43–108). Рукопись поступила в РГБ в 1963 г. из Спасо-Преображенского собора Углича, куда, по-видимому, попала после революции из разрушенных в 1930–1950-е годы храмов Учемской обители. О некоторых важных несоответствиях рукописи и публикации см. ниже. Этот список ввела в научный оборот М. С. Крутова [9], однако она привела в основном главные археографические сведения о рукописи и не вписала ее в широкий археографический и исторический контекст. Существуют и другие списки этой редакции жития: Житие Кассиана Учемского, список конца XVII в. // Угличский государственный историко-архитектурный художественный музей. № Уг-15118. Л. 41–142; Житие Кассиана Учемского, список рубежа XVII–XVIII вв. // ОР РГБ. Ф. 299 (Собрание Н. С. Тихонравова). № 234. Л. 65 об. — 109. О последнем см. подробно [12; 13].

² Житие Кассиана Учемского, проложная редакция // Пролог. Вторая половина. Март–май. М. : Московский печатный двор, 1662. С. 466–468.

ская¹ [25, с. 394–404] редакции жития прп. Кассиана в совокупности их списков XVII–XVIII вв. Для ответа на поставленные вопросы значимы и сведения, содержащиеся в русских летописных сводах (как официального [17; 19], так и оппозиционного [18] происхождения), духовных грамотах удельных князей, в том числе грамоте 1521 г. угличского князя Дмитрия Жилки [5, с. 409–414]. Важные данные можно почерпнуть и из Учемского синодика, сохранившегося в списке 1712 г.², из «книг строения» Успенской церкви Кассиановой пустыни 1699 г.³, из Летописца Кассиановой пустыни⁴ и других памятников⁵, содержащихся в сборнике из собрания Н. С. Тихонравова, который по праву можно назвать настоящей энциклопедией монастырской жизни Учмы.

Исследование опирается на принцип историзма, подразумевающий рассмотрение явлений и процессов с учетом их изменчивости во времени, и основаны на классических методах исторической науки — ретроспективном, биографическом, историко-системном, а также методе исторической периодизации.

Результаты

Прославление св. Кассиана († 1504) в чине преподобных в 1629 г. отвечало важным задачам укрепления государственности, решение которых определяло вектор как внутренней, так и внешней политики царя Михаила Романова (1613–1645). Он оказался в числе праведников, чьими молитвами и явленными чудесами — в представлениях людей XVII в. — Угличский край был сохранен от полного разорения в ходе польской интервенции. Более раннее прославление святого, например, при Иване IV (1547–1584), было невозможно, поскольку он воспринимался грозным царем в первую очередь как человек, поддерживавший сепаратизм Угличских князей в конце XV в.

Обсуждение

Прп. Кассиан — в миру греческий аристократ, князь Константин Мангупский (из княжества Феодоро в Крыму), происходивший, по-видимому, из рода Комнинов⁶ — по преданию, зафиксированному в середине XVI в., прибыл из Рима в Москву в 1472 г. в окружении Софьи Палеолог, ставшей супругой великого князя Московского Ивана III (1462–1505). Прожив при великокняжеском дворе

¹ Житие Кассиана Учемского в составе Угличского летописца // ОР РГБ. Ф. 178 (Собрание рукописей Румянцевского музея, или Музейное собрание). № 934. Л. 58–67 об.; ЯЕВ. 1894. № 11. Стб. 161–168; № 12. Стб. 177–182; № 13. Стб. 193–196. Этот вариант жития читается в составе одной из редакций Угличского летописца — «Сказания о преславном и богоспасаемом граде Угличе», или так называемого «Музейного летописца», составленного в конце XVIII в. и принадлежащего перу выдающегося старообрядческого писателя Григория Дмитриевича Тихомерова-Серебрянникова.

² Синодик Учемского монастыря // Мышкинский народный музей. № 15. 340 л.

³ «Книги строения» Успенской церкви Учемского монастыря // ОР РГБ. Ф. 299. № 234. Л. 3–17.

⁴ Летописец Кассиановой пустыни // ОР РГБ. Ф. 299. № 234. Л. 111 об.–117 об.

⁵ [Записи о пожертвованном скоте, с именами дарителей] // ОР РГБ. Ф. 299 (Собрание Н. С. Тихонравова). № 234. Л. 147 об.–150; [Сведения о земельных владениях Кассиановой пустыни] // ОР РГБ. Ф. 299. № 234. Л. 135 об.–140.

⁶ Его происхождение в настоящий момент является предметом дискуссий. Прискорбно, что в Учемском синодике после имени основателя обители оставлено пустое место, чтобы вписать имена его предков (Синодик Учемского монастыря // Мышкинский народный музей. № 15, л. 45 об.). Тем не менее косвенные данные подталкивают к выводу о том, что Константин происходил все же из рода Комнинов [20, с. 14–15].

несколько лет¹, он удалился вместе с архиепископом Иоасафом Оболенским в Ферапонтов монастырь и принял там монашеский постриг с именем Кассиан (по-видимому, в честь богослова Кассиана Римлянина [15, с. 46]). Через недолгое время он «по смотрению же Божию» [6, с. 123] «с некими братьями»² пришел на р. Учемку. Когда монахи остановились при впадении Учемки в Волгу на ночлег (в 25 км от Углича), будущему святому во время молитвы пресвятой Богородице явился св. Иоанн Предтеча (это случилось в канун Рождества Иоанна Предтечи) и повелел основать на этом месте пустынь [25, с. 395]³ (рис. 1, 2).

Так прп. Кассиан поселился во владениях угличского князя Андрея Большого «Горяя» (1462–1492) — властолюбивого интеллектуала и покровителя церковных искусств, отстроившего на берегу Волги роскошный дворец и весьма благоволившего многим праведникам. Среди них были такие прославленные святые, как св. Паисий Угличский — основатель ныне не существующего Покровского Паисиева монастыря [21] и племянник св. Макария Калязинского [25, с. 117, 384; 21, с. 176–177], подвизавшегося в соседней — Кашинской — земле, св. Антоний Краснохолмский — основатель Никольского монастыря в Красном холме [22], св. Варлаам Улейминский — основатель Никольской обители на р. Улейме [16], с которой связана история принесенной из Бари иконы свт. Николая Чудотворца, праведник Андриан — ученик св. Паисия Угличского, основатель полностью разоренной в 1609 г. и с той поры не возобновленной Никольской Грехозаруцкой пустыни [25, с. 120, 387, 491], также, по-видимому, связанной с барградской иконой Мирликийского чудотворца, и другие.

У князя Андрея сложились с Константином-Кассианом теплые и близкие связи. Известно, что правитель не только щедро вкладывал средства в новый монастырь, но и не раз беседовал с праведником. Кассиан был крестным отцом одного из сыновей Андрея — Дмитрия [6, с. 123–124] (другой сын Андрея — Иван — после Смуты тоже был причислен к лику святых как прп. Игнатий Вологодский (Прилуцкий) [6, с. 51–60] и стал покровителем вологодских пределов наряду с прп. Дмитрием Прилуцким).

Трагическая судьба князя Андрея, не раз демонстрировавшего свою независимость от центральной власти, известна: в 1492 (7000) г. — в год обострения эсхатологических ожиданий — он как возможный конкурент государя всея Руси был брошен Иваном III «в тюрьму на Москве на Казенном дворе великого князя», где скончался [2; 18, стб. 331–332, 339].

Как будет показано ниже, память об этой расправе повлияла на отношение к прп. Кассиану и его обители в XVI в. и сыграла свою роль в истории канонизации святого.

В первые десятилетия после кончины святого представители великокняжеской семьи не проявляли никакого негатива в отношении Кассиановой пустыни, основанной сподвижником князя Андрея. Известны щедрые пожалования земель Кассианову монастырю от брата Василия III (1505–1533) — угличского князя Дмитрия Жилки (1505–1521): «А к Пречистой на Учму деревни Золоторуцково села, деревню Туханово, деревню Модявино, деревню Подвыскидье, деревню Обашово, деревню

¹ По всей видимости, отъезд Константина из Москвы пришелся на 6990 (1481/1482) г. [3, с. 23, 26]. Тем не менее традиция сохранила и 1477 г. как год этого события (ЯЕВ. 1894. № 11, стб. 163; Ярославский патерик, или жития угодников Божиих, подвизавшихся в нынешней ярославской епархии. Ярославль: Ярославское епархиальное братство святителя Димитрия, 1912. С. 164).

² ЯЕВ. 1873. № 14. С. 114; 1894. № 12. Стб. 163. Старообрядческая традиция даже сообщает их имена — Филарет и Ефрем [25, с. 396]. Примечательно, что эти имена вошли и в традицию официальной церкви (Ярославский патерик... С. 164).

³ См. также: ЯЕВ. 1894. № 11. Стб. 164; Ярославский патерик... С. 164.

Рис. 1. Преподобный Кассиан Учемский молится на месте основания будущей обители.
Миниатюра 1686 г. (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
Ф. 218. № 1406. Л. 42об. Публикуется впервые)

Fig. 1. St. Cassian of Uchma prays at the site of the foundation of the future monastery.
Miniature 1686. Published for the first time

Шеино, деревню Ермаково, деревню Шурково, деревню Туханово, деревню Мелничное, деревню Ерюхино, деревню другое Мелничное, деревню Юрово, деревню Швердино, деревню Булавино, деревню Маслово, починок Головин, починок Техунов, починок Сухово, починок Грудкино, починок Корякин, починок Корнин, починок Хомяков, починок Вавулин» [5, с. 410]. Отметим, что это, кажется, самое щедрое земельное пожертвование из всех, отмеченных в грамоте. Эти села, деревни и починок (т. е. недавно возникшие поселения) стали основой землевладения Кассианова монастыря. В последующие годы территории, подвластные обители, практически не расширились¹.

В Учме было два деревянных храма — в честь Успения Богородицы и в честь Рождества Иоанна Предтечи [6, с. 124, 127²] — небесного покровителя царя Ивана IV. Примечательно, что пожертвования в Учму грозного царя, прославившегося в том числе щедрыми милостынями во многие русские обители, не известны, хотя в 1563 г. была возведена новая — теплая — церковь Рождества

¹ [Сведения о земельных владениях Кассиановой пустыни] // ОР РГБ. Ф. 299. № 234. Л. 135 об. — 140.

² См. также: ЯЕВ. 1873. № 14. С. 115–116.

Рис. 2. Учемский монастырь в XVII в. Деталь миниатюры 1686 г.
(Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
Ф. 218. № 1406. Л. 2 об. Фрагмент. Публикуется впервые)
Fig. 2. Uchma Monastery in the XVII century. Detail miniature 1686.
Published for the first time

Иоанна Предтечи на месте старой¹. Видимо, для государя, болезненно опасавшегося придворных интриг и измен подданных, связь приезда Кассиана в Москву с Софьей Палеолог была вовсе не главной характеристикой праведника. Важно отметить, что именно в грозненскую эпоху образ Софьи претерпевает существенные изменения: она превращается из не угодной многим московским боярам «римлянки» и «чародейцы» в «положительную героиню» — в важное звено, соединяющее Рюриковичей с Византийскими правителями². Тем не менее для Ивана Грозного Кассиан был в первую очередь духовно связан с врагом централизации Андреем Большим [3, с. 26–27]. Видимо, именно поэтому Кассиан не был канонизирован на соборе 1547 г., хотя ранняя редакция жития, как показали исследования Л. В. Алексеевой, была составлена на основе рассказов иноков, помнивших прп. Кассиана, как раз в середине 1540-х годов игуменом Учемской обители Закхеем [1, с. 37]. Это говорит о том, что в Учемском монастыре надеялись на канонизацию его основателя и с нетерпением ждали ее. Поздняя

¹ Летописец Кассиановой пустыни // ОР РГБ. Ф. 299. № 234. Л. 112 об.

² Впервые образ Софьи Палеолог как яркой, значимой и положительной героини русской истории появляется в Степенной книге — программном памятнике грозненской поры. Исключительно важно появление в русской книжности этого времени и сюжета о чуде прп. Сергия Радонежского, связанного с зачатием Софьей Василия III — отца Ивана Грозного [см: 14, с. 90–96; 17, с. 190–191; 19, с. 554–555, 582].

традиция прямо говорит о том, что чудеса от мощей («от гроба») прп. Кассиана начали совершаться через год по преставлении святого¹, т. е. с 1505 г.²

Ситуация изменилась на рубеже XVI–XVII вв. События Смуты выделили Углич в русской государственной и духовной истории в особую — проклятую и одновременно благословенную — территорию, превратили ее в своего рода *сакральное пространство*. По мнению ближайших потомков — Авраамия Палицына и Ивана Тимофеева, осмысливавших от лица всего общества события Смуты, именно прекращение династии, убийство царевича Димитрия 15 мая 1591 г. стало главной причиной лихолетий начала XVII в. В 1609 г. Угличская земля была разорена польскими интервентами. В местной традиции историописания, сложившейся в XVIII в. (Угличский летописец в совокупности его различных редакций), «разорение литовское» 1609 г. — одна из важнейших вех в истории города — представлено событием и трагическим (убийства, пожары, разграбление храмов и монастырей), и духовно значимым: Углич *процвел* святостью. Невинно убиенный царевич Димитрий, канонизированный в 1606 г., и, конечно, преподобные Паисий и Кассиан просияли на Угличской земле многими новыми чудесами.

Первое же чудо прп. Кассиана, представленное обстоятельным рассказом со многими деталями в пространной редакции жития (с чудесами), связано именно с событиями Смуты. За год до «разорения литовского», в 1608 г., прп. Кассиан на белом коне объезжал со свечами свою обитель, предсказывая таким образом и скорую опасность — разорение Угличской земли, но символически обещая своему монастырю защиту от поругания. Когда интервенты в 1609 г. подошли к стенам Учемского монастыря, некий «злоневерный черкашенинь»³ захотел осквернить и разграбить пустынь, но упал замертво, едва въехав в святые врата. Так Кассиан не просто оградил святыню, но и своеобразно предсказал поражение врагов «Святой Руси».

Всего в этой — пространной (с чудесами) — редакции Жития шестнадцать чудес (в одном из списков — восемнадцать⁴), семь из них приходится на Смутное время

¹ «И по лете единомъ начать на месте погребения преподобнаго Касияна священнаго тела его бывати многа знамения и чюдеса, видима мнихом яве, и благовоние исходити ихъ недръ земныхъ велие над гробом его» (курсив мой. — Т. М.). Изначально сведения об этом восходят к старообрядческой традиции угличского историописания (Житие Кассиана Учемского в составе Угличского летописца // ОР РГБ. Ф. 178 (Собрание рукописей Руманцевского музея, или Музейное собрание). № 934, л. 66 об.; 25, с. 403), однако они были приняты и официальной церковью (что нашло отражение в факте публикации текста оригинальной редакции жития прп. Кассиана, содержащейся в этом произведении, на страницах Ярославских епархиальных ведомостей (ЯЕВ. 1894. № 11, стб. 161; № 13, стб. 195).

² В этой дате можно усмотреть своеобразный символизм: в 1505 г. скончался великий князь Московский и государь всея Руси Иван III, расправившийся с угличским удельным князем Андреем. Старообрядческая традиция, превознесившая князя Андрея (в старообрядческой среде было даже составлено житие Андрея Угличского!), пыталась таким образом подчеркнуть, что после ухода «неправедного правителя», праведники просияют чудесами. Приведенная в предыдущей сноске деталь об «исходящем благовонии» от находящихся под спудом мощей святого примечательна: со II в. (мучение Св. Поликарпа) благоухание — один из главных критериев, сопровождающих явление святости [10, с. 113–114; 26; 27, р. 14–15].

³ ЯЕВ. 1873. № 42. С. 338.

⁴ Житие Кассиана Учемского, список 1686 г. // ОР РГБ. Ф. 218 (Собрание отдела рукописей). № 1406. Л. 43–108. Это самый ранний известный список этой редакции, он был создан в 1686 г. и вложен в Учемский монастырь Михаилом Пименовым — сыном священника московской церкви Успения Богородицы у Сретенских ворот, как свидетельствует вкладная записка (л. 3–24). Об этом вкладе есть известия в «книгах строения Успенской церкви» обители: «Лѣта 7194 (1686) году с Москвы церкви Успения Пресвятыя Богородицы что у Стрѣтенскихъ (!) воротъ Печатные слободы священниковъ сынъ Михаило Пиминовъ сын дал вкладу книгу Житие преподобнаго Касияна» («Книги строения» Успенской церкви Учемского монастыря // ОР РГБ. Ф. 299. № 234.,

и время правления Михаила Романова. Эти чудеса прп. Кассиана, связанные с защитой Углича от иноземцев (чудо 1-е и 2-е), грабителей (чудо 3-е), гордых и себязлюбивых богачей (чудо 4-е) — настоящих антигероев Смуты, а также — с исцелениями зубных болезней (чудо 5-е) и язв (чудо 6-е и 7-е) казались царю и его окружению исключительно важными для судьбы всего народа и государства. После Смуты прп. Кассиан для центральной власти превратился из «праведника-оппозиционера» в истового защитника своего края в тревожные годы, стал заступником всей Русской земли и Углича, и потому был канонизирован.

В 1624 г. Кассианов монастырь наряду с Алексеевским, Паисиевым, Улейминским попал в число обителей Угличской земли, которым Михаил Романов подтвердил право владения всеми землями, пожалованными ранее. Другие монастыри не получили ничего [23, с. 400], что говорит об особом отношении царя в том числе и к Кассиановой обители.

В образе прп. Кассиана Михаилу Романову и его приближенным были дороги сразу несколько идей. Им было важно, что Кассиан был приближенным Софьи Палеолог — великой княгини, на время правления державного супруга которой пришлось складывание единого и сильного государства. «Россия нынешняя образована Иоанном» [7, с. 349], — писал в начале XIX столетия Н. М. Карамзин. Именно в эпоху Ивана III были заложены основы будущей империи, которой в XVIII–XIX вв., говоря словами Н. В. Гоголя, «косясь, посторанивались и давали дорогу другие народы и государства»¹. Новая династия в первые десятилетия прежде всего пыталась подчеркнуть свою легитимность, показать преемственность по отношению к Рюриковичам. Для Михаила Романова было важно подчеркнуть факт преодоления Смуты через идею возвращения к лучшим традициям старины.

Значимой оказывалась и связь святого не только с московским двором, но и с регионами России, с территориями, особенно сильно пострадавшими в ходе интервенции. Преодоление Смуты стало возможно благодаря объединению усилий людей из разных частей страны. Так, если Суздальские земли дали «благодарной России» «князя Пожарского», а Нижний Новгород — «гражданина Минина»², то Угличский край — преподобных Паисия и Кассиана, главных заступников города. Не случайно образа именно этих двух праведников в 1706 г. и доныне находятся над правыми и левыми дьяконскими вратами главного храма Углича — Спасо-Пре-

л. 115). В рассматриваемом списке жития на л. 106–107 об. содержится чудо 17: «Чюдо преподобнаго отца нашего Кассиана како исцели игумена Лаврентия от гневия болезни» (Нач.: «Ино чюдо хошу вам поведати ныне, любимая моя братия (...) Есть монастырь ограда Углича отстояшь семь поприщ святителя и чудотворца Николая на реце Улейме, в том бе монастыре игумень Лаврентии, и случися ему, игумену, болезнию боleti огневою zelo лютою...»). На л. 108 об. — 108 (sic!) содержится чудо 18: «Чюдо преподабнаго отца нашего Касиана како исцели священника Евфимия ореджива бесным недугомъ» (Нач.: «Бе некий священник именовъ Евфимии житие имея Ярославского уезду церкви живоначальная Троицы села Кривца...»). Удивительно, что оба эти чуда не были опубликованы в Ярославских епархиальных ведомостях за 1873 г., хотя текст, как следует из примечания издателей, был напечатан именно с этой рукописи (ЯЕВ. 1873. № 14, с. 111). В причинах этого несоответствия еще предстоит разобраться. В списке XVII в., происходящем из Углича, читается киноварное начало чуда о Лаврентии, но оно явно и намеренно затерто (Житие Кассиана Учемского, список 1686 г. // ОР РГБ. Ф. 218 (Собрание отдела рукописей). № 1406, л. 104 об.). На л. 105 рукописи читается уже совсем другой текст, явно «пришитый» к кодексу, содержащему Житие прп. Кассиана, позже. Отметим, что в синодике Кассиановой пустыни упоминаются и Лаврентий (Синодик Учемского монастыря // Мышкинский народный музей. № 15, л. 89), и Евфимий (там же, л. 104). М. С. Крутова в своем исследовании об этой рукописи не обратила внимания на эти важные подробности.

¹ Гоголь Н. В. Мертвые души. Л.: Гослитиздат, 1948. С. 244.

² На памятнике К. Минину и Д. Пожарскому, созданном И. П. Мартосом в 1818 г. и стоящем ныне на Красной площади в Москве, надпись: «Гражданину Минину и князю Пожарскому благодарная Россия».

ображенного собора [4, кат. № 47–48, илл. 84–85]. Мысль о роли региональных героев и светского, и духовного чина была существенной для консолидации огромной территории России.

К середине XVII в. в образе прп. Кассиана оказалась важна и связь святого с Европой, с Римом: он прибыл на Русь не прямо из Мангупа или Константинополя, а именно из Вечного города. В Прологе 1662 г., содержащем новую редакцию жития святого, не единожды подчеркивается, что Кассиан был греком по происхождению, но приехал именно «от Итталийския страны»¹. Так выражалась мысль о том, что Русь — открытая для диалога с миром держава, в которой духовно процветают праведники в том числе «греко-римского» происхождения [15, с. 43–51]. Эта идея отражала глубинный процесс сближения России с Западом, осознания общих — античных и христианских — истоков двух миров, в конечном счете приведших к петровской европеизации.

Появление проложной редакции жития, предназначенной для чтения в храме, способствовало широкому и быстрому распространению этих представлений в народной среде во время богослужений. Как свидетельствуют источники (Летописец Кассиановой пустыни, основной массив статей которого — датированные сообщения о вкладышах в обитель, а также датированные записи о пожертвованиях скота), уже с 1660-х гг. заметен взрос поток пожертвований в Кассианову пустынь со всей Европейской России. Если в период с 1609 (год первого известного пожертвования) по 1662 г. есть свидетельства всего о двенадцати пожертвованиях, то с 1670 по 1743 (год последнего известного пожертвования) их более ста двадцати². На 1664 г. приходится одно из самых больших пожертвований, сделанных со стороны ярославского архиерейского двора: «Лѣта 7172 (1664) году августа въ 3 день при игумене Киприяне дал вкладу града Ярославля архиереиского домового двора иеромонахъ Иона Гавриловъ три иконы мѣстныя: Отечестдо (!), да Богородицы Казанские с праздниками, да Филипа митрополита, да двѣ штилистывые ризы отласныя, да книгу синодикъ, да Евангелие на престолное, евангелисты серебряныя позолочены, двѣ Триоди, да Минѣя общая, книгу Лѣствичникъ, да житие Николино, Псалтырь, да Часовник, двѣ ширинки, да крестъ благословящей, сосуды церковныя бѣлые, кадила мѣдноя, да образ преподобнаго Касияна мѣстной, всего на 80 рублевъ»³. По-видимому, его можно рассматривать как своего рода «празднование» начала широкого почитания прп. Кассиана после 1662 г. Упомянутые источники, а также Учемский синодик однозначно свидетельствуют о связях Учемской обители не только с Угличем и многочисленными (более пятидесяти!) близлежащими селами и деревнями, Ростовом и Ярославлем, но и с Москвой, Новгородом и другими центрами [13].

В. О. Ключевский писал: «Местом лучших чувств и мыслей была церковь. Туда человек нес свой ум и сердце, а вместе с ними и свои достатки» [8, с. 30]. Жертвователями были люди разного происхождения: и столичные аристократы «первого ряда» (среди них — царевна Татьяна Михайловна и Лев Кириллович Нарышкин —

¹ Житие Кассиана Учемского, проложная редакция // Пролог. Вторая половина. Март-май. М. : Московский печатный двор, 1662. С. 466, 466 об. и др.

² [Записи о пожертвованном скоте, с именами дарителей] // ОР РГБ. Ф. 299 (Собрание Н. С. Тихонравова). № 234. Л. 147 об. — 150; Летописец Кассиановой пустыни // ОР РГБ. Ф. 299. № 234. Л. 111 об. — 117 об. Учтены только датированные пожертвования. Реально с конца XVII в. их было заметно больше, ибо в то время шел сбор пожертвований на «строение» новой каменной Успенской церкви, о чем содержатся известия в «книгах строения» этого храма (Книги строения Успенской церкви Учемского монастыря // ОР РГБ. Ф. 299. № 234. Л. 3–17).

³ Летописец Кассиановой пустыни. Л. 113 об.

дядя первого российского императора)¹, и местные землевладельцы (например, Мусины-Пушкины²), и горожане, и крестьяне, и духовенство — как городское, так и сельское [13]. Жертвовали деньги, церковную утварь, богослужебные книги, иконы, оклады, предметы быта, скот [11]. В 1699 г. в монастыре началось возведение новой церкви Успения Богородицы — первой каменной постройки в монастыре, что стало возможно исключительно благодаря пожертвованиям.

К началу петровских преобразований Кассианова пустынь переживала расцвет и в материальной жизни, и — что особенно важно! — в жизни духовной и интеллектуальной [13].

Выводы

Итак, история канонизации прп. Кассиана, обращение власти к разным граням судьбы и чудес этого удивительного святого давало возможность не только институционально закрепить уже существовавшее местное почитание, но и решать государственно-устроительные задачи. Доверие власти и самим святым, и древним преданиям о них, неизменная вера в духовную силу праведников сыграли существенную роль в преодолении разрушительных последствий Смуты, восстановлении и укреплении Русского государства.

Литература

1. *Алексеева Е. Л.* Рукописная традиция жития Кассиана Угличского // Жития Игнатия Вологодского, Игнатия Ломского, Герасима Вологодского и Кассиана Учемского / под ред. А.С. Герда. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008. С. 34–42.
2. *Борисов Н. С.* Горький удел // Родина. 2003. № 12. С. 34–39.
3. *Голейзовский Н. К.* Начало деятельности Кассиана Учемского по письменным источникам // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2002. № 34 (10). С. 20–27.
4. *Горстка А. И.* Иконы Углича XIV–XX вв. М. : Гранд-Холдинг, 2006.
5. *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.* М.; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1950.
6. *Жития Игнатия Вологодского, Игнатия Ломского, Герасима Вологодского и Кассиана Угличского: тексты и словоуказатель* / под ред. А.С. Герда. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008.
7. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб. : Типография Н. Греча, 1819. Т. 6.
8. *Ключевский В. О.* Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М. : Правда, 1990.
9. *Крутова М. С.* Неизвестный лицевой список жития преподобного Кассиана Угличского // Румянцевские чтения — 2021. Материалы Международной научно-практической конференции (21–23 апреля 2021). Ч. 1. М., 2021. С. 481–486.
10. *Матасова Т. А.* «Дыханье северных садов»: свидетельства об ароматах как символах преобразования пространства в вологодской средневековой книжности // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2020. № 1. С. 109–136.
11. *Матасова Т. А.* «Кобылу рыжу, да мерина гнеда, да корову красну...»: о пожертвованиях

¹ «Книги строения» Успенской церкви Учемского монастыря // ОР РГБ. Ф 299. № 234. Л. 4.

² «Книги строения» Успенской церкви Учемского монастыря, л. 9 об.; [Записи о пожертвованном скоте, с именами дарителей], л. 148 об., 149, 149 об. Живая связь с Учемской обителью семьи Мусиных-Пушкиных несомненна. В собрании Рыбинского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника хранится икона прп. Кассиана, написанная в 1739 г. крепостным изографом Андреем Яковлевым. Этот образ поступил в коллекцию музея в начале 1920-х гг. из усадьбы графов Мусиных-Пушкиных Борисоглеб Мологского уезда, территория которой ныне затоплена Рыбинским водохранилищем. На этой иконе есть надпись о том, что к ней в 1744 г. «госпожой Мусиной-Пушкиной» была заказана серебряная риза (не сохранилась). Не исключено, что риза «могла быть заказана в честь рождения А.И. Мусина-Пушкина — будущего знаменитого археографа» [24, кат. № 104, с. 256–257].

- скота в Кассианову Учемскую пустынь в последние десятилетия XVII — первой половине XVIII вв. // История и культура Ростовской земли — 2020. Ростов, 2021. С. 143–159.
12. Матасова Т. А. К истории книжной культуры Кассиановой Учемской пустыни на рубеже XVII–XVIII вв. // История и культура Ростовской земли — 2018. Ростов, 2019. С. 218–225.
 13. Матасова Т. А. Монастырь и мир: Кассианова Учемская пустынь во времена Петра Великого (исследование материалов рукописи Тихонр. № 234) // Источники по истории русского Средневековья и Нового времени / отв. ред. А. А. Горский. Вып. 1. М. : Издательство ИРИ РАН, 2022. С. 219–292.
 14. Матасова Т. А. Некоторые истоки «положительного» образа Софьи Палеолог в российской историографии // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 5: Пятые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. М., 2017. С. 90–96.
 15. Матасова Т. А. Преподобный Кассиан Учемский — грек из окружения Софьи Палеолог и чудотворец «от Итальянской страны»: К истории церковного почитания святого в XVI–XIX вв. // История и культура Ростовской земли — 2019. Ростов, 2020. С. 43–52.
 16. Матасова Т. А., Тарасов А. Е. Свидетельства о начале Николо-Улейминской обители в памятниках книжности XVIII в. // Барградский сборник / отв. ред. М. Г. Талалай. М. : Индрик, 2020. С. 21–48.
 17. Полное собрание русских летописей. М. : Языки славянской культуры, 2000. Т. 12. Никонская летопись.
 18. Полное собрание русских летописей. М. : Языки славянской культуры, 2001. Т. 6. Вып. 2. Софийская Вторая летопись.
 19. Полное собрание русских летописей. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1913. Т. 21. Ч. 2. Степенная книга царского родословия.
 20. Смирнов В. Г., Наумова Е. А. Византийский князь на Мышкинской земле: К 510-летию со дня преставления Св. прп. Кассиана Грека // Мышкинская лоция. Краеведческий журнал. 2014. № 9 (15). С. 13–21.
 21. Сосновцева Е. Г. Житие Паисия Угличского: Исследование и тексты. М. : Институт лингвистических исследований РАН, 2020.
 22. Тарасов А. Е., Тарасова Н. П. «Летописец о зачатии Бежецкого верху Антониева монастыря»: время и обстоятельства создания // Исторические исследования. 2016. № 5. С. 223–245.
 23. Титов А. А. Учемская Кассианова пустынь // Исторический вестник. 1895. № 8. С. 400.
 24. Царева И. Л. Иконы Рыбинска. Рыбинск : Рыбинский Дом печати, 2009.
 25. Царе-Угличский летописец / подг. к изд. И. В. Сагнук. Углич : Угличское родословно-краеведческое общество им. Ф. К. Кисселя, 2013.
 26. Harvey S. A. Scenting Salvation: Ancient Christianity and the Olfactory Imagination. Berkeley : University of California Press, 2006.
 27. The Acts of the Christian Martyrs / Introduction, texts and translations by H. Musurillo. Oxford : Oxford University Press, 1972.

Об авторе:

Матасова Татьяна Александровна, заместитель заведующего кафедрой истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация), кандидат исторических наук, доцент; tamatt2009@gmail.com

References

1. Alekseeva E. L. Handwritten tradition of the life of Kassian Uglichsy // Life of Ignatius of Vologda, Ignatius Lomsky, Gerasim of Vologda and Kassian Uchemsky / ed. A. S. Gerda. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2008. P. 34–42 (in Rus).
2. Borisov N. S. home inheritance // Homeland [Rodina]. 2003. N 12. P. 34–39 (in Rus).
3. Goleizovsky N. K. The beginning of the activities of Cassian Uchemsky according to written sources // Ancient Russia: Questions of medieval studies [Drevnyaya Rus': Voprosy medievisitiki]. 2002. N 34 (10). P. 20–27 (in Rus).
4. Gorstka A. I. Uglich icons of the XIV–XX centuries. M.: Grand Holding, 2006 (in Rus).
5. Spiritual and contractual letters of the great and specific princes of the XIV–XVI centuries. M.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1950 (in Rus).
6. The lives of Ignatius of Vologda, Ignatius Lomsky, Gerasim of Vologda and Kassian of Uglich:

- texts and word indicator/ed. A. S. Gerda. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2008 (in Rus).
7. Karamzin N. M. History of the state of Russia. St. Petersburg: Printing house of N. Grech, 1819. V. 6 (in Rus).
 8. Klyuchevsky V. O. Historical portraits. Figures of historical thought. M.: True, 1990 (in Rus).
 9. Krutova M. S. Unknown facial list of the life of the Monk Kassian of Uglich // Rumyantsev readings — 2021. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (April 21–23, 2021). Part 1. M., 2021. P. 481–486 (in Rus).
 10. Matasova T. A. “Breath of the Northern Gardens”: evidence of fragrances as symbols of the transformation of space in Solovetsky medieval scribe // Bulletin of Dmitry Pozharsky University [Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo]. 2020. N 1. P. 109–136 (in Rus).
 11. Matasova T. A. “Red horse, bay hoss, andcow red...”: about cattle donations to Kassianova Uchemskaya desert in the last decades of the XVII — the first half of the XVIII centuries // History and culture of Rostov land — 2020. Rostov, 2021. P. 143–159 (in Rus).
 12. Matasova T. A. To the history of book culture of the Kassianova Uchemskaya desert at the turn of the XVII–XVIII centuries // History and culture of Rostov land — 2018. Rostov, 2019. P. 218–225 (in Rus).
 13. Matasova T. A. Monastery and world: Kassianova Uchemskaya Desert during the time of Peter the Great (study of the materials of the manuscript Tikhonr. N 234) // Sources on the history of the Russian Middle Ages and New Times / Ex. ed. A. A. Gorsky. Iss. 1. M.: Publishing House of the IRI RAS, 2022 (in Rus).
 14. Matasova T. A. Some of the origins of the “positive” image of Sophia Paleolog in Russian historiography // Russia, Russia: the Middle Ages and New Time. Iss. 5: Fifth readings of the memory of academician of the Russian Academy of Sciences L. V. Milov. M., 2017. P. 90–96 (in Rus).
 15. Matasova T. A. Reverend Kassian of Uchma — Greek from the entourage of Sophia Paleolog and miracle worker “from the Ittali country”: To the history of church veneration of the saint in the XVI–XIX centuries // History and culture of Rostov land — 2019. Rostov, 2020. P. 43–52 (in Rus).
 16. Matasova T. A., Tarasov A. E. Evidence of the beginning of the Nikolo-Uleyminsky monastery in monuments of scribe of the XVIII century // Bargrad collection / Ex. ed. M. G. Talalai. M.: Indrick, 2020. P. 21–48 (in Rus).
 17. A complete collection of Russian chronicles. M.: Languages of Slavic culture, 2000. V. 12. Nikon Chronicle (in Rus).
 18. A complete collection of Russian chronicles. M.: Languages of Slavic culture, 2001. V. 6. Iss. 2. Sofia Second Chronicle (in Rus).
 19. A complete collection of Russian chronicles. St. Petersburg: Printing house M. A. Alexandrov, 1913. V. 21. Part 2. The power book of the royal genealogy (in Rus).
 20. Smirnov V. G., Naumova E. A. The Byzantine prince on Myshkinsky land: On the 510th anniversary of passing away of St. Cassiana Greek // Myshkinsky locia. Local history journal [Myshkinskaya lotsiya. Kraevedcheskii zhurnal]. 2014. N 9 (15). P. 13–21 (in Rus).
 21. Sosnovtseva E. G. Life of Paisiy Uglichsy: Research and texts. M.: Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2020 (in Rus).
 22. Tarasov A. E., Tarasova N. P. “Chronicler on the conception of the Bezhetsky top of the Antoniev Monastery”: the time and circumstances of the creation // Historical research [Istoricheskie issledovaniya]. 2016. N 5. P. 223–245 (in Rus).
 23. Titov A. A. Uchma Kassianova deserts // Historical Bulletin [Istoricheskii vestnik]. 1895. N 8. P. 400 (in Rus).
 24. Khokhlova I. L. Icons of Rybinsk. Rybinsk: Rybinsk Press House, 2009 (in Rus).
 25. Tsare Uglich Chronicler / ed. I. V. Sagnak. Uglich: Uglich Family and Local Lore Society named after F. K. Kissel, 2013 (in Rus).
 26. Harvey S. A. Scenting Salvation: Ancient Christianity and the Olfactory Imagination. Berkeley: University of California Press, 2006.
 27. The Acts of the Christian Martyrs / Introduction, texts and translations by H. Musurillo. Oxford: Oxford University Press, 1972.

About the author:

Tatiana A. Matasova, Vice-head of the Department of Russian History before the 19th century of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation), PhD in History, Associate Professor; tamatt2009@gmail.com